

ТРАДИЦИОННЫЙ ФУНДАМЕНТ КАК ВЕКТОР РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ: «ВПЕРЁД...» ИЛИ «НАЗАД В БУДУЩЕЕ»?

На современном этапе особую остроту приобретает вопрос о характере будущего мировой культуры, а также о траекториях развития отдельных культур. В рамках сложных геополитических процессов сегодняшнего дня, роста напряженности между макрокультурными центрами, накапливающихся проблем, угрожающих человечеству и не имеющих простых решений, растет потребность в ясном и определенном будущем. Данная потребность повышает статус социокультурной прогностики и футурологии, задачей которых является не только видение будущего, но и упреждение многих кризисных процессов и катастроф, которые могут произойти в случае необдуманного и безответственного отношения человечества к своей судьбе, культуре и планете.

Одним из краеугольных элементов смысловой сферы будущего является дихотомия «старого и нового», в более конкретных смысловых формах – «традиций и инноваций», «неизменного и изменяемого», «преобразовательной и созерцательной позиции по отношению к грядущему». Она представляет собой одну из мировоззренческих универсалий, порой достигающую уровня концептов «ада» и «рая», смысла жизни человека и целых культур.

На современном этапе устремления многих культур в будущее получают свою конкретизацию именно в рамках этой бинарной структуры, рождающей спектр смысловых векторов развития. При этом данные векторы носят весьма различный характер и могут варьироваться в пределах принятия и непринятия будущего, ориентированного на традиции. С другой стороны, существуют смысловые константы, которые характеризуются таким же противоречивым отношением к его новизне. Многие культуры, избегая крайностей, рожают различные соотношения данных смысловых диспозиций, в той или иной мере уравнивая их. Примером в данном случае служит современная культурная политика России, выраженная в практике здорового консерватизма, иначе говоря, в стремлении развиваться и взаимодействовать с другими культурами, однако не отказываясь и не утрачивая своих ценностных основ, менталитета, традиций, исторической и культурной памяти.

В рамках приведенной бинарной модели – отношения к будущему как к неизменному и как к абсолютно новому – охарактеризуем основные векторы направленности культур на будущее, для наглядности пользуясь примерами из художественной культуры.

Первый вектор характеризуется преимущественно нейтральным отношением к грядущему, что порой выражается в отсутствии проблемы будущего на повестке дня. Как правило данное отношение проявляется в культурах архаичного и традиционного типа, не вошедших в полосу модернизационных преобразований и не испытывающих сильных воздействий со стороны других культур. В таких культурах, ориентированных на

циклическое восприятие времени как череды повторов одних и тех же состояний, и будущее и прошлое выглядят как преимущественно неизменные и потому не вызывающие пристального интереса.

Данный вектор также может проявляться в стремлении культур вернуться в прежнее состояние на фоне его утраты, как правило вследствие непреодолимых и трагических обстоятельств, в результате чего основным устремлением становится направленность на возвращение утраченного, ностальгическое переживание того, что потеряно.

Примером устремленности в утраченный, прежний мир является сцена из фильма «Зимнее утро» (реж. Н.И. Лебедев, 1967). Фильм повествует о том, как в блокадном Ленинграде девочка Катя спасает во время бомбежки незнакомого маленького мальчика, называет его Серёжей и в дальнейшем заботится о нем. Судьба сводит детей с офицером, капитаном Вороновым, разыскивающим свою семью, которая погибла в начале войны. Сблизившись с детьми, капитан Воронов узнает в Серёже своего сына. Уезжая на передовую, на вопрос сослуживца: «Со своими попрощались, товарищ капитан?», он отвечает: «С сыном... и с дочерью»...

В этом фильме также есть сильная, эмоциональная сцена: Катя, разделив с Серёжей полученный по карточкам хлеб, засыпает под музыку «Танца маленьких лебедей» из «Лебединого озера» П.И. Чайковского. Во сне она видит красивый зал, выступление детей, исполняющих «Танец», детский симфонический оркестр, публику. Катя стоит у входа в зал уставшая и в блокадной одежде. Сквозь усталость на её лице проявляется еле заметная улыбка, Катя смотрит на балерин, а потом на себя в зеркало и вздыхает. Далее она подходит к витрине буфета – и видит булки, пирожные, десерты и другие яства. За кадром к ней обращается продавец: «Чтобы ты хотела, девочка?». Катя отвечает в полусне, под плач проснувшегося Серёжи: «Хлеба», и просыпается... [4].

Кроме того, интерес в рамках данного вектора представляет стремление многих модернизированных культур уйти в прошлое, отринуть цивилизацию с ее пороками и проблемами и погрузиться в прежний, домодерновый мир. Например, рассматриваемая тенденция весьма ярко проявилась в романтизации деревни на фоне городского бума 1960-80 гг. «Примечателен в данном случае кинофильм «Афоня» (реж. Г.Н. Данелия, 1975), главный герой которого, прожив большой отрезок жизни в городе, возвращается в деревню, отбросив городское прошлое как «ненастоящее», бессмысленное. Другим, ещё более выразительным и трагичным примером является фильм «Калина красная» (реж. В.М. Шукшин, 1973), центральной идеей которого также выступает возврат человека к своим деревенским истокам. Также данная тематика присутствует в фильмах «Две жизни» (реж. К.Н. Воинов, 1956), «Половодье» (реж. И.Л. Бабич, 1962), «Дом и хозяин» (реж. Б.А. Метальников, 1967) и др. Новизна и новое будущее в таком ракурсе может выступать не только в нейтральном, но и в негативном свете» [3]. Отметим также, что в условиях современного мира данный вектор может выражаться в архаизации культур, реанимации

средневековых форм идентичности и хозяйства, игры в идеализированную старину и нежелании участвовать в межкультурных контактах и мировом культурном обмене.

Второй вектор отношения к будущему в рамках параметров его неизменности и новизны выражен в настороженном восприятии обновленного будущего. Такой вектор, как и предыдущий, закрепился преимущественно в культурах, которые принято характеризовать как традиционные и консервативные. Особенно ярко он начинает проявляться в ситуациях роста межкультурных взаимодействий самого разного толка. При этом в процессе роста таких взаимодействий этот вектор может получить выражение в восприятии новых форм будущего как крайне нежеланных.

Так, «классической» культурой, ориентированной на старину, многие специалисты считают европейское средневековье. Характеризуя данную культуру А.Я. Гуревич отмечал, что «Высокая оценка старины характерна для всех сфер средневековой жизни. Средневековый традиционализм – не просто консерватизм и власть привычки. В установке на старину <...> видели особую доблесть, именно старое обладало моральным достоинством. Новое внушало недоверие, новаторство воспринималось как святотатство и безнравственность» [1, с. 154].

Говоря о современности и крайне нежеланных формах будущего, подвергнувшегося инновациям, отметим, что в первую очередь речь идет о страхах и «футурологических кошмарах», о так называемом «футурошоке». На глобальном уровне указанная проблематика представлена многочисленными проектами будущего, несущего человечеству массу опасных последствий от новизны, способных исказить или уничтожить его. В данном случае достаточно назвать ряд известных кинокартин, отражающих названные опасения, ставших следствием распространения новинок научно-технического прогресса и их необдуманного использования, в том числе во вред человеку: «Письма мёртвого человека» (реж. К.С. Лопушанский, 1986), «Терминатор» (реж. Дж. Кэмерон, 1984), «Водный мир» (реж. К. Рейнольдс и К. Костнер, 1995), «Безумный Макс» (реж. Дж. Миллер, 1979), «Суррогаты» (реж. Дж. Мостоу, 2009) и т.д. Существует, однако, и более умеренная позиция восприятия пугающей, а точнее настораживающей новизны будущего. Например, данный взгляд выражен в «практопии» (термин, означающий нечто более реалистичное по отношению к «утопии») Э. Тоффлера [5].

Третьим вектором мировоззренческих устремлений человека к обновленному будущему является его восприятие как крайне притягательного, что порой провоцирует резкий отказ от традиций и желание разрушить старый мир.

*Весь мир насилья мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим –
Кто был ничем, тот станет всем.*

Новое будущее может казаться невероятно привлекательным; в картинах мира такое будущее способно занимать место «рая» и увлекать миллионы, рождая в них энтузиазм, отводя почётную роль строителей такого будущего. Ярким примером проявления желаемой новизны будущего является четвертый сон Веры Павловны, героини романа Н.Г. Чернышевского «Что делать?», которой «царственная сестра» продемонстрировала то, что ждет русскую культуру в дальнейшем: «... по крайней мере, ты видела его, ты знаешь будущее. Оно светло, оно прекрасно» [6, с. 290].

Хрестоматийным примером такого взгляда в новое будущее является лекция Остапа Бендера в «Клубе 4-х коней» о перспективах развития Васюков вследствие организации шахматного турнира: «– <...> Знаете ли вы, что ваш «Шахклуб четырёх коней» при правильной постановке дела сможет совершенно преобразить город Васюки? <...> – Да! – кричал он. – Шахматы обогащают страну! Если вы согласитесь на мой проект, то спускаться из города на пристань вы будете по мраморным лестницам! Васюки станут центром десяти губерний! <...> Поэтому я говорю: в Васюках надо устроить международный шахматный турнир» [2, с. 321].

Завершая обзор отметим, что спектр векторов движения культур вперед носит достаточно противоречивый характер. И выбор той или иной культурой своего пути является ее правом, правом на самоопределение и проявление воли ее носителей. *Следовать традициям или отказаться от них? Оставить все как есть и не меняться? Преобразовываться во что бы то ни стало? Забыть прошлое и смотреть только вперед? А, возможно, найти компромисс?* Сегодня на все эти вопросы разные культуры дают разные ответы, внедряя их в соответствующие системы ценностно-смысловых координат в качестве стержневых. Выбор нашей страны – идти вперед, оставаться собой и не утрачивать историко-генетических связей с ушедшими временами.

Список литературы

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Москва: Наука, 1972. 320 с.
2. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Москва: Правда, 1982. 400 с.
3. Леонов И.В., Кириллов И.В. «Призрачные деревни» в культурной памяти России // Человек. Культура. Образование. 2021. № 4 (42). С. 90-108.
4. Суворов Н.Н., Леонов И.В., Прокуденкова О.В. Новизна культуры или культура новизны / Мин-во культуры РФ, С.-Петербур. гос. ин-т культуры. Санкт-Петербург: СПбГИК, 2021. 272 с.
5. Тоффлер Э. Шок будущего/ Пер. с англ. Москва: АСТ, 2004. 557 с.
6. Чернышевский Н.Г. Что делать? Из рассказов о новых людях / Издание подготовили Т.И. Орнатская и С.А. Рейсер. Ленинград: Наука, 1975. 872 с.